

Книжная полка

РЕЦЕНЗИЯ

**на монографию Н.А. Мининкова, Л.В. Мининковой
«"История историка": труды об историках в российской науке
(XIX – начало XX вв.)». – Ростов-на-Дону-Таганрог, 2024. – 224 с.)**

Н.А. Трапш

Южный федеральный университет,

О.И. Шафранова

Северо-Кавказский федеральный университет

Представленное исследование посвящено одной из наиболее актуальных проблем современной исторической науки, связанной с комплексной оценкой профессиональной рефлексии исследовательского сообщества. Качественная характеристика предшествующей историографической традиции является принципиальным основанием научного анализа, что определяет значительный интерес к длительному и сложному процессу, связанному с последовательным конструированием аутентичных методологических и творческих подходов к избранному объекту. Следует отметить также и то существенное обстоятельство, что профессиональная рефлексия исследовательского сообщества представлена в дифференцированном социокультурном и интеллектуальном контексте, сформированном динамичным развитием синхронных общественных институтов.

В авторском введении представлена интеллектуальная модель, определяющая дальнейшее системное изложение многообразного эмпирического материала. Справедливо отмечается, что в настоящее время последовательное обращение к творческому наследию *cognitiva historica* определяется социально-антропологическими трендами современного гуманитарного знания, ориентированного на личностную верификацию познающего субъекта. Качественное развитие исторической науки, согласно обоснованному авторскому мнению, определяется своеобразной эволюцией исследовательских идей, детерминирующих как системный отбор изучаемых проблем, так и интерпретационную специфику предлагаемых размышлений и конечных выводов. Однако эволюционное изменение интеллектуальных построений невозможно адекватно оценить вне широкого социокультурного контекста, в имманентных границах которого формируется и действует конкретный познающий субъект. Следует согласиться с авторской оценкой, согласно которой отдельный историк не обязательно должен обладать полным набором своеобразных профессиональных маркеров, связанных со специальной

образовательной подготовкой или определенной социальной ролью. Значительный интерес представляют и системные размышления, характеризующие разнообразие жанровых и стилистических форм, связанных с качественным описанием предшествующей исследовательской традиции. Вместе с тем, необходимо отметить то существенное обстоятельство, что познающий историк, обращающийся к системной оценке творческой деятельности собственных предшественников, достаточно субъективно характеризует комплексное влияние социокультурных факторов, выявляемых, как правило, в источниковых комплексах личного происхождения. В частности, в советской исследовательской традиции обобщенный образ конкретной эпохи, связанной с синхронным историописанием, нередко формировался исключительно на основе индивидуальных нарративов, создававшихся «правильными» «революционно настроенными» современниками. Аналогичным образом творческая атмосфера, сложившаяся в послевоенном СССР, на рубеже XIX и XX столетий нередко характеризовалась в контексте диссидентских оценок, не передававших в полной мере реальную сложность индивидуального и коллективного менталитета профессиональных историков или увлеченных краеведов. Как представляется, любые характеристики социокультурного воздействия на исследовательскую практику конкретного периода будут носить отчасти гипотетический характер, так как можно достаточно глубоко прочувствовать своеобразный дух изучаемой эпохи, но не проникнуть в латентные сферы локального сознания, не отраженные в письменной или устной рефлексии.

Авторское внимание справедливо обращено к XIX – началу XX столетия, так как в указанный период происходит эволюционное развитие профессионального историописания, естественной частью которого становится фундаментальное осмысление достигнутых результатов. В условиях неразвитой дифференциации исследовательских объектов, основным из которых являлся обобщенный вариант российской истории, особое значение приобретают оценочные суждения М.П. Погодина об «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, оригинальные размышления В.О. Ключевского о фундаментальных трудах С.М. Соловьева, критический анализ творческого наследия П.Н. Милюкова в известных работах А.А. Кизиветтера и Г.В. Вернадского. Вместе с тем, необходимо отметить то существенное обстоятельство, что авторский анализ обращен не только к признанным лидерам отечественной науки, но и к отдельным исследователям, недостаточно известным даже широкой профессиональной аудитории. Кропотливый труд и интересные идеи Н.П. Барсукова, В.В. Фурсенко, А.И. Маркевича и многих других талантливых исследователей не только получили глубокую и всестороннюю оценку, но и стали своеобразным ориентиром для дальнейшей исследовательской практики современных историков.

Обращаясь к первоначальным биографическим концепциям, сложившимся в отечественной историографии XIX столетия, авторы справедливо отмечают реальное тождество творческих подходов российских ученых и системообразующих идей Л. фон Ранке. М.П. Погодин и Н.П. Барсуков стремились сформировать подлинные образы изучаемых объектов, соответствующие исторической действительности, что в полной мере соответствовало эталонной формуле немецкого исследователя («показать, как все происходило на самом деле»). Опираясь на разнообразный эмпирический материал, качественно реконструированный из дифференцированных источниковых комплексов, талантливые историки подробно описали творческую и общественную деятельность значимых представителей отечественной историографии, внесших колоссальный вклад в последовательное становление социально-гуманитарного знания. Однако следует согласиться с обоснованным авторским мнением о том, что М.П. Погодин и Н.А. Барсуков избегали значимых оценочных суждений, рассматривая привлеченные источники как своеобразный интеллектуальный фундамент, определяющий и скрытое читательское обсуждение, и органичную характеристику избранных персонажей.

Заслуженное внимание привлекают и сюжетные линии, связанные с комплексным описанием социальной коммуникации и дискурсивной практики рассматриваемых историков с отдельными представителями профессионального сообщества. В частности, описанные дискуссии М.П. Погодина с С.М. Соловьевым и Н.И. Костомаровым, равно как и выявленное творческое взаимодействие П.М. Строева с В.Д. Сухоруковым, отчетливо характеризуют не только актуальные проблемы исторической науки, но и отдельные вопросы общественной жизни. Более того, в настоящее время принципиальная возможность последовательного использования исторической информации в системном обосновании патриотических ценностей, равно как и искусственное табуирование негативных оценок избранных событий и явлений, также являются постоянными объектами заинтересованного обсуждения как профессионального сообщества, так и действующих политиков, государственных деятелей и активных граждан.

Обращаясь к дальнейшему развитию историографических исследований в отечественном интеллектуальном пространстве, авторы справедливо обращают заинтересованное внимание на фундаментальные монографии Н.А. Попова о В.Н. Татищеве и В.В. Тимощук о М.И. Семевском, иллюстрирующие дифференцированные подходы к избранной проблематике. С одной стороны, в масштабном труде, посвященном одному из выдающихся историков и государственных деятелей XVIII столетия, отчетливо проявляется новая модель исследовательской практики, ориентированная не только на последовательную трансляцию обобщенного эмпирического материала, но и критический анализ творческого наследия выдающихся предшественников. Согласно аргументированным авторским оценкам, интеллектуальный образ В.Н. Татищева был сформирован в широком социокультурном контексте, учитывающем специфические особенности конкретной исторической эпохи. Н.А. Попов практически исключил апологетические оценки избранного исследовательского объекта и расширенное цитирование многочисленных источников личного происхождения, что позволило сформировать достаточно объективную характеристику выдающегося отечественного историка, ставшую отправной точкой для дальнейшей исследовательской практики. С другой стороны, интересная монография В.В. Тимощук сохранила основные черты биохроникального подхода, ориентированного на последовательное формирование исключительно позитивного образа В.И. Семевского. Исследовательский ракурс был существенно ограничен в тематическом и критическом измерении, что не в полной мере соответствовало новым трендам в комплексном развитии отечественной исторической науки. Следует согласиться с авторским мнением о том, что выделенные особенности обобщающего труда В.В. Тимощук в значительной степени определялись профессиональной близостью к изучаемому объекту, создававшей специфический эмоциональный и интеллектуальный фон для научной работы. Вместе с тем, существенные лакуны в системной оценке творческой деятельности В.И. Семевского, присутствующие в рассматриваемом обобщающем исследовании, невозможно объяснить исключительно методологическим консерватизмом, эмоциональным настроением или политической осторожностью конкретного автора. Как представляется, социальный и интеллектуальный образ выдающегося историка имеет значительное число внутренних противоречий, которые не могут быть объяснены только в рамках критического анализа доступного комплекса исторических свидетельств. В частности, общественно-политическая позиция, связанная с осознанной критикой самодержавной власти, далеко не всегда детерминировалась личными аксиологическими установками или индивидуальными результатами исследовательской практики. Публичный демократизм, к сожалению, не всегда тождественен внутренним ментальным установкам, что отчетливо проявляется в социальной и интеллектуальной практике А.И. Герцена, упоминаемого в рассматриваемом исследовании. Критическая оценка мифологизированного образа Петра I, равно как и других явлений российской истории, предложенная

В.И. Семевским, имеет несомненное научное значение, но принципиальный вопрос о реальных причинах, определяющих системное конструирование соответствующих воззрений, сохраняет дискуссионный характер.

Масштабные изменения в историографической практике второй половины XIX столетия в значительной степени определялись последовательным включением в исследовательский процесс ведущих отечественных ученых – К.Н. Бестужева-Рюмина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, В.С. Иконникова, умело использовавших накопленный эпистемологический опыт в рамках интеллектуальной рефлексии, обращенной к творческому наследию знаменитых предшественников. Следует согласиться с авторским выводом о том, что серьезную роль в рассматриваемом процессе сыграло широкое распространение небольших форм специального историописания (локальные статьи, краткие очерки, опубликованные юбилейные лекции), позволяющих четко и последовательно изложить обобщающие оценки конкретных научных концепций, исключая излишний эмпирический материал и пространное цитирование доступных источников личного происхождения. Указанное обстоятельство не означало качественного сокращения источниковой базы, которая органично дополнялась официальными документами, разнообразными трудами научных современников и даже собственными впечатлениями, нередко имевшими критический характер. Исследовательское внимание концентрировалось не только на масштабных размышлениях, обобщающих главные идеи знаменитых предшественников, но и на индивидуальной методологии, эвристических достижениях и накопленном опыте системной популяризации исторического знания, осуществлявшейся посредством образовательной практики. Авторы справедливо отмечают, что целенаправленное рассмотрение творческой деятельности не исключало заинтересованную характеристику личных качеств выдающихся историков, складывавшихся под непосредственным воздействием разнообразных социокультурных факторов и детерминировавших познавательную активность изучаемых субъектов. В локальных трудах постепенно складывалось устойчивое представление о системной преемственности историографической традиции, ключевым элементом которой являлась не только личные ретроспективные связи внутри профессиональной корпорации, но и осознанное развитие значимых идей и методов в новых эпистемологических условиях. Вместе с тем, следует согласиться с обоснованным авторским мнением о том, что целый ряд рассмотренных исследований, посвященных творческой деятельности В.О. Ключевского, содержит значительный сегмент мемуарного материала, использованного в последующих интеллектуальных реконструкциях.

Особого внимания заслуживает профильная глава рассматриваемой монографии, посвященная лаконичным очеркам о крупных отечественных историках, размещенным в «Русском биографическом словаре». Особая форма словарных статей в целом соответствовала базовым параметрам историографического исследования, включая реконструированные биографические данные, четкую характеристику научных идей и, в отдельных случаях, специальную оценку общественной деятельности. Важной особенностью представленных очерков было критическое рассмотрение исследуемых исторических концепций, которое в отдельных случаях опиралось не только на авторские размышления, но и на оценочные суждения известных современников. В частности, интересная статья Д.А. Корсакова о С.М. Соловьеве включает обоснованную критику творческого наследия выдающегося историка со стороны М.П. Погодина, К.Д. Кавелина, К.С. Аксакова, представлявших дифференцированные идейные сегменты интеллектуального сообщества. Более того, масштабный очерк В.В. Фурсенко, посвященный знаменитому князю М.М. Щербатову, содержит жесткие оценки исследуемого персонажа, который не отличается гибким умом, чрезмерно предан сословным интересам и не всегда способен адекватно интерпретировать эмпирический материал, реконструированный из выявленных многочисленных источников. В целом, следует согласиться со спра-

ведливым авторским выводом о том, что рассмотренные статьи можно рассматривать как достаточно успешный опыт аналитической биографии.

На рубеже XIX и XX столетий вновь появляются масштабные монографические исследования, посвященные комплексной характеристике творческого наследия выдающихся представителей предшествующей историографической традиции. Авторы справедливо отмечают, что новые крупные труды отходят от биохроникального подхода, ориентируясь на проблемно-хронологическое изложение дифференцированного эмпирического материала. Кроме того, монографическое исследование обеспечивало последовательное привлечение расширенного объема верифицированных фактов, раскрывающих различные аспекты личной жизни, общественной деятельности и интеллектуального творчества избранного персонажа. В частности, в масштабном труде П.В. Безобразова о С.М. Соловьеве значительное внимание уделяется системной эволюции историософского мировоззрения выдающегося историка, творчески интерпретировавшего фундаментальные идеи Г.В.Ф. Гегеля и О. Конта. Следует выделить также и то существенное обстоятельство, что рассматриваемые монографические исследования были созданы профессиональными историками, относившимися к ближайшему социальному окружению изучаемых объектов, что позволило дополнить критический анализ привлеченной источниковой базы личными впечатлениями, не имевшими апологетического характера. Фундаментальная критика сомнительных идей, сформированных предшествующей исследовательской практикой, органично сочеталась с закономерным признанием реальных достоинств масштабных обобщающих концепций и объективного значения выявленных уникальных фактов. Необходимо также согласиться с обоснованной авторской оценкой, согласно которой «... авторы (П.В. Безобразов и Е.Ф. Шмурло – *Н.Т., О.Ш.*) ...не замыкались только на вопросе о роли своих героев (С.М. Соловьева и К.Н. Бестужева-Рюмина – *Н.Т., О.Ш.*) в исторической науке. Они обращали серьезное внимание на вопрос о месте их в отечественной культуре и общественной жизни своего времени». В известном смысле за интеллектуальными дискуссиями об эволюционном формировании российской государственности, системных взаимоотношениях властных структур и общественных объединений, внутреннем содержании самодержавной управленческой модели можно увидеть отчетливые контуры доминирующих вопросов отечественной политической науке, опирающейся на динамичный эмпирический и теоретический фундамент исторического знания.

Отдельная глава рассматриваемой монографии справедливо посвящена специальным работам, в которых профессиональные историки исследуются в контексте значимой общественной деятельности. М.М. Щербатов, К.Д. Кавелин и П.Н. Милюков не только внесли серьезный вклад в системное развитие исторической науки, но и проявили собственный талант в социальных проектах и на политическом поприще. Общественная деятельность оказала серьезное влияние на профессиональную исследовательскую практику, детерминируя в отдельных случаях концептуальные оценки предшествующей российской истории. Следует отметить то существенное обстоятельство, что социально-политические предпочтения, несомненно, отразились и на оценочных суждениях, характеризующих интеллектуальные построения выдающихся историков. В частности, убежденный социал-демократ В.А. Мякотин, разделявший в начальный период собственной деятельности народнические идеалы, анализировал в профильных очерках основные идеи М.М. Щербатова и К.Д. Кавелина не только в контексте рационалистической критики очевидных противоречий, присутствовавших в реальном содержании рассматриваемых концепций, но и в рамках идеальных мировоззренческих установок, традиционно свойственных российскому революционному движению. Как представляется, априорная убежденность в объективности собственных оценок, детерминируемых достоверными идеологическими подходами, приводит профессионального исследователя к жестким фиксированным оценкам, не соотносимым с плюралистическим характером гума-

нитарного знания. Значительный интерес представляет и авторский анализ двух специальных работ А.А. Кизиветтера и Г.А. Вернадского, посвященных выдающемуся ученому и политическому деятелю П.Н. Милюкову. Несмотря на то, что рассматриваемые очерки были созданы крупными историками, научное наследие изучаемой личности лишь частично отразилось в ярких и полемичных текстах. А.А. Кизиветтер и Г.А. Вернадский стремились отстоять политическое реноме признанного лидера кадетской партии, подвергавшегося мощной и нередко необоснованной критике с полярных флангов российского политического спектра. Исходная цель закономерно детерминировала определенную апологетизацию П.Н. Милюкова, который представляется неоднозначной фигурой, как в политической деятельности, так и в профессиональной исследовательской практике. Однако следует согласиться с обоснованной авторской оценкой, согласно которой в рассмотренных трудах «есть элемент вполне научного и интересного анализа».

В целом, представленная монография является самостоятельным и адекватным результатом масштабного научного исследования, соответствующим базовым трендам современного конструирования исторического знания. Современный историк неизменно опирается в творческой деятельности на консолидированный опыт, накопленный в рамках предшествующей исследовательской практики. Следует заметить, что рассмотренная работа представляет несомненный интерес и для профессиональных специалистов, работающих в едином пространстве гуманитарного познания, связывающем отдельные отрасли в эмпирическом и теоретическом измерении.